
А. И. СИДОРОВ

**КОРОЛЕВСКОЕ ЗЕРЦАЛО В КАРОЛИНГСКОЙ
КНИЖНОЙ МИНИАТЮРЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗОБРАЖЕНИЙ В БИБЛИИ
САН ПАОЛО ФУОРИ ЛЕ МУРА)**

Каролингское книжное искусство развивалось неравномерно и весьма причудливо, не важно, идет ли речь о содержательном, техническом, территориальном или временном аспекте. До конца VIII столетия рукописи даже лучших мастерских лишь изредка украшались миниатюрами. За вычетом чисто декоративных элементов в виде инициалов, орнамента или колонн с арками (последние считаются наиболее ярким свидетельством следования классической традиции), речь шла главным образом об изображении евангелистов, реже Христа, еще реже царя Давида, а также некоторых светских правителей¹. Обычно рисунки располагались в начале Евангелий, Псалтыри или сборника законов, что можно считать отголоском античной традиции предварять конкретное сочинение «портретом» автора. Лишь в некоторых кодексах так называемой придворной школы (к ним относятся Евангелие Годескалька, Псалтырь Дагульфа, Евангелие Ады, Коронационное Евангелие, Евангелие из Лорша и некоторые другие рукописи) техника рисунка, явно

¹ Изображения светских правителей встречаются в некоторых юридических кодексах каролингской эпохи, но не ранее первой четверти IX в. Так, в рукописи Paris, BNF. Lat. 4404, созданной, вероятно, в одной из мастерских на Луаре между 803 и 814 г., перед текстом кодекса Феодосия помещены изображения императора Феодосия II в окружении собственных сыновей, Марсиана и Валентиниана, и своего соправителя, императора Западной Римской империи Майориана (fol. 1v), а перед текстом Аламаннской правды находится изображение короля Лодханрия в окружении епископа, герцога и графа (fol. 197r). В сборнике канонического права Vercelli Biblioteca Capitolare MS CLXV помещено изображение императора Константина, повелевающего сжечь арианские книги. Однако изображения светских государей прошлого все же крайне редки.

опиравшаяся на позднеантичную традицию, достигла очень высокого уровня². Однако в сюжетном отношении изображения оставались столь же однообразны, а их количество было крайне невелико.

Все резко меняется в начале 820-х гг. Из мастерских Реймса, Тура, Сен-Дени и некоторых других стали выходить кодексы религиозного содержания, прежде всего Библия либо ее части (Псалтырь, Евангелия, Апокалипсис), а также сакраментарии, щедро украшенные серией изображений, которые вдобавок были довольно сложно организованы в сюжетом плане³. При этом каролингские мастера демонстрировали искусное владение разнообразными художественными техниками, вплоть до позднеантичного «импрессионизма»⁴. Иногда в одной рукописи могло насчитываться несколько сотен миниатюр, чего не наблюдается в предшествующий период. Следует иметь в виду, что эта удивительная художественная революция происходила почти исключительно в западной части франкского мира, продолжалась всего несколько десятилетий, резко оборвалась в середине 870-х гг. и не оказала заметного влияния на современные мастерские в других регионах империи.

В техническом плане западнофранкские мастера 820–870-х гг. опирались на позднеантичное и византийское художественное наследие, почти полностью игнорируя островную и вестготскую традиции, ранее оказывавшие заметное влияние на книжное искусство франкской Галлии, а равно западной и южной частей германских земель, где действовали англо-саксонские монашеские колонии. Сложность рисунка и обилие мелких деталей заставляют предполагать, что изображения были не просто декорацией, но предназначались для внимательного и неспешного их рассматривания, а значит для долгого и сосредоточенного размышления над увиденным, для медитации по поводу общего сюжета и отдельных его частей⁵.

² Подробнее см.: *Koehler W.*: 1) *Die karolingische Miniaturen*. Bd. 2 : *Die Hofschule Karls des Grossen*. Berlin, 1958 ; 2) *Die karolingische Miniaturen*. Bd. 3 : *Die Gruppe des Wiener Krönungs-Evangeliars*; *Metzer Handschriften*. Berlin, 1960.

³ Общий обзор каролингских иллюминированных рукописей см.: *Caillet J.-P.* *L'art carolingien*. Paris, 2005. P. 164–232.

⁴ Оригинальная «импрессионистическая» техника рисунка была характерна прежде всего для художественной мастерской Реймса времен архиепископа Эббона (816–835). Именно в это время здесь были созданы такие выдающиеся памятники каролингского книжного искусства, как Евангелие Эббона (ок. 825) и Утрехтская псалтырь (ок. 823).

⁵ Создание мнемотических «текстов-изображений» для медитации, по всей видимости, являлось важным побудительным мотивом развития книжного искусства в каролингский и оттоновский периоды. Ср.: *Воскобойников О. С.* *Тысячелетнее царство (300–1300) : Очерк христианской культуры Запада*. М., 2014. С. 378–379.

Миниатюры иллюстрировали основной текст, более или менее точно воспроизводя, но гораздо чаще интерпретируя его содержание, причем в иных случаях это делалось весьма причудливым образом. Иногда один рисунок мог объединять в себе элементы сразу нескольких сочинений. Так, например, многочисленные изображения в Утрехтской псалтыри опирались не только на тексты псалмов, но и на обширный комментарий к ним, составленный блаж. Августином⁶. Важно учитывать то, какие именно сюжеты отбирались для изображения — этот выбор ни в коем случае не являлся произвольным. С другой стороны, наряду с иллюстрациями в строгом смысле слова, иные миниатюры вовсе не транслировали основной текст при помощи визуальных образов, но обладали самостоятельным содержанием, которое было связано с особым содержанием других изображений в том же кодексе. Можно думать, что два типа миниатюр органично дополняли друг друга, формируя последовательную, хорошо продуманную и подлинно концептуальную повествовательную программу.

Серийные изображения в виде соответствующего художественного рассказа помещены в книгах, которые не предназначались для массовой аудитории, но были адресованы совершенно конкретным людям, прежде всего каролингским государям, а также (возможно, но совсем необязательно) их ближайшему окружению. Не случайно в ряде парадных кодексов 840–870-х гг. появляются изображения правящих

⁶ Utrecht, Bibliotheek der Rijksuniversiteit, Cat. Cod. Ms. Bibl. Rhenotriactinae 1, nr. 32 (Реймс, ок. 823). В качестве примера можно привести иллюстрацию к первому и наиболее известному псалму *Beatus vir*. «Импрессионистический» рисунок большей частью буквально воспроизводит текст псалма, и лишь стих о «собрании развратителей» или «седалище пагубы» (*cathedra pestilentiae*) проиллюстрирован восседающим на троне правителем в окружении дурных советников. Данный мотив прямо позаимствован из комментария св. Августина: *Et in cathedra pestilentiae non sedit: noluit regnum terrenum cum superbia; quae ideo cathedra pestilentiae recte intellegitur, quia non fere quisquam est qui careat amore dominandi et humanam non appetat gloriam* (*Augustini Hipponensis episcopi. Enarrationes in Psalmos // Patrologia Latina / ed. J.-P. Migne. Paris, 1865. Vol. 36. Col. 67*). Причудливое сочетание в одном рисунке элементов, восходящих к разным, но тесно связанным между собой текстам, позволяет рассматривать Утрехтскую псалтырь в качестве своеобразного учебного пособия, предназначенного не только для запоминания непосредственно содержания псалмов, но и для одновременного освоения традиции их комментирования. Об Утрехтской псалтыри в целом подробнее см.: *DeWald E. T. The illustrations of the Utrecht Psalter. Princeton ; London ; Leipzig, 1932 ; Dufrenre S. Les illustrations du Psautier d'Utrecht. Sources et apport carolingien. Paris, 1978 ; Wormald F. The Utrecht Psalter. Utrecht, 1953 ; Bierbrauer K. Utrecht-Psalter // Lexikon des Mittelalters. 1997. Bd. 8. S. 1355–1356 ; Chazelle C. Archbishops Ebo and Hincmar of Reims and the Utrecht Psalter // Speculum. 1997. Vol. 72 (4). P. 1055–1077.*

Каролингов — кажется, вообще самые первые в раннесредневековой Европе изображения правителей-современников⁷. К таковым относятся «портреты» Карла Лысого в Библии Вивиана, Псалтыри Карла Лысого и Библии Сан Паоло фуори ле Мура, а также Лотаря I в Псалтыри Лотаря и Четвероевангелии Лотаря. По мнению ряда исследователей, некоторые из этих изображений вполне могут претендовать на реальное портретное сходство⁸.

В историографии, по крайней мере со времен Э. П. Шрамма, подобного рода «портреты» традиционно рассматривают как форму самопрезентации правителя, как определенное идеологическое послание, адресованное государем своим подданным⁹. Такое их истолкование сохраняет силу по сей день¹⁰, хотя и не всеми разделяется¹¹. На мой взгляд, было бы вернее рассматривать их как визуализацию различных концепций власти, которые формировались в среде разных групп каролингских элит, отнюдь не только придворных. Нет сомнений в том, что в иконографических рядах Псалтыри Лотаря и, например, Библии Вивиана сформулированы совершенно разные концепции власти. Это выражается и в характере изображения государей, и в подборе других персонажей, и в последовательности расположения отдельных миниатюр. И если в первом случае нашли свое выражение представления о власти, характерные для ближайшего окружения Лотаря, то во втором — те, что сформировались в среде каролингского духовенства за пределами двора.

Дело, однако, не только в этом. Рассматривая каждое изображение в отдельности, следует помнить, что все они являлись частями целого,

⁷ Первым в искусстве Западной Европы изображением современного государя считается изображение Людовика Благочестивого в рукописи Vatican, Reg. Lat. 124 (fol. 4v) с сочинением Рабана Мавра «О восхвалении креста». Рукопись была создана в Меце около 835 г., вероятно, вскоре после восстановления Людовика на троне. См.: *Caillet J.-P. L'art carolingien*. P. 194–196.

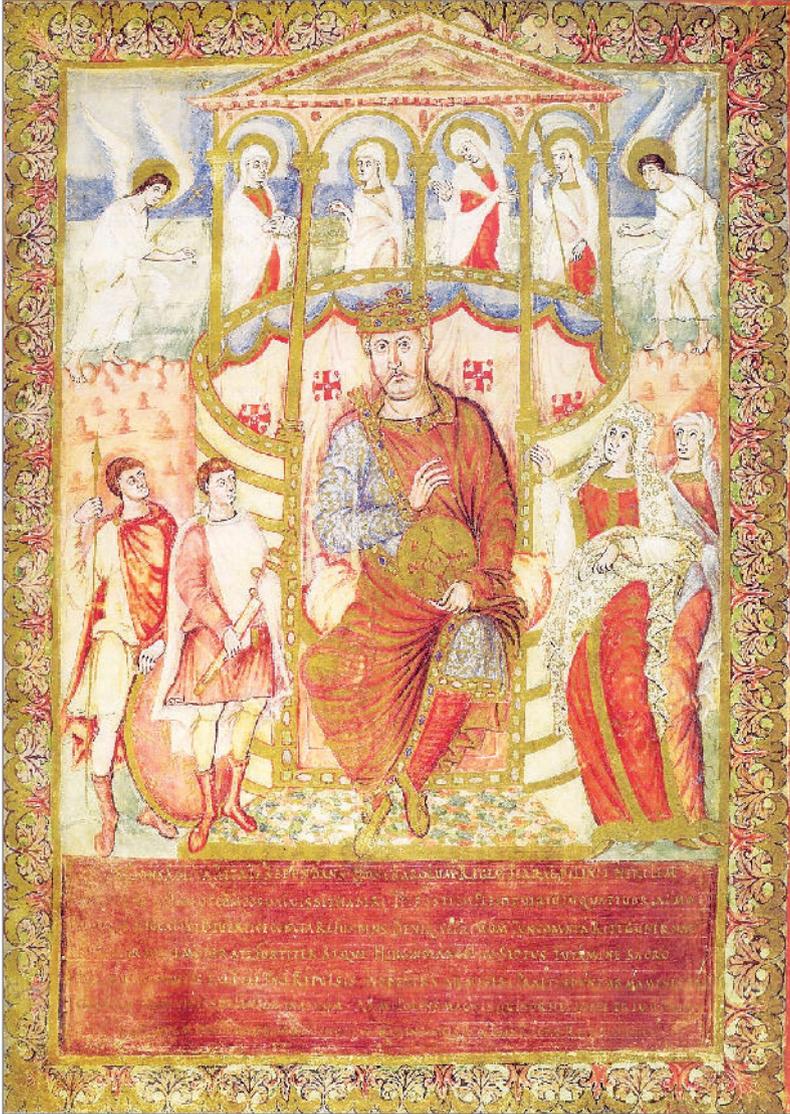
⁸ См.: *Trésors carolingiens. Livres manuscrits de Charlemagne à Charles le Chauve*. Paris, 2007. P. 32–33. Против идеи «портретного» сходства выступает Кайе, полагающий, что речь идет скорее об идеальных типах: *Caillet J.-P. L'art carolingien*. P. 170.

⁹ Подробнее см.: *Schramm E. P. Das Herrscherbild in der Kunst des frühen Mittelalters // Vorträge der Bibliothek Warburg. 1922–1923. Teil I*. Wiesbaden, 1924. S. 145–224.

¹⁰ Например, см.: *Poilpré A.-O. Maiestas Domini: une image de l'Eglise en Occident, Ve–IXe siècle*. Paris, 2005; *Alibert D. Images de la majesté sacrée: la mutation de l'An mille a-t-elle eu lieu? // Auctoritas : Mélanges offerts à Olivier Guillot*. Paris, 2006. P. 423–436.

¹¹ Против подобного подхода выступает, например, И. Гарипзанов. См.: *Garipzanov I. H. The Symbolic Language of Authority in the Carolingian World (c. 751–877)*. Leiden ; Boston, 2008. P. 237–238.

Иллюстрации к статье А. И. Сидорова



Карл Лысый на троне. Rome, Biblia San Paolo fuori le Mura, fol. 1r



Царь Давид, наблюдающий за казнью юноши-амаликитянина.
Rome, Biblia San Paolo fuori le Mura, fol. 93v

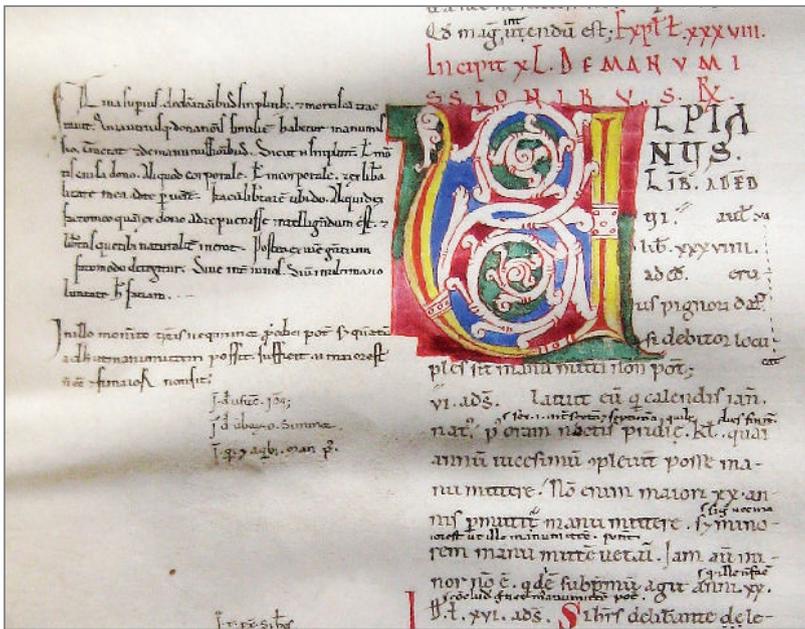


Царь Соломон на троне. Rome,
Biblia San Paolo fuori le Mura, fol. 188v



История Юдифи и Олоферна (фрагмент).
Rome, Biblia San Paolo fuori le Mura, fol. 234v

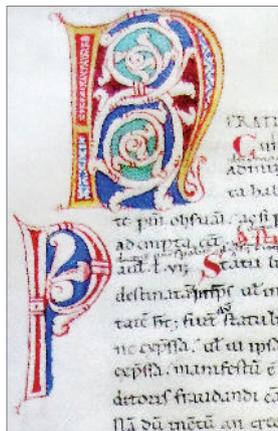
Иллюстрации к статье В. И. Мажуги



Ил. 1. Инициал U (D.40). SPbSU. Lat. 1, f. 17va



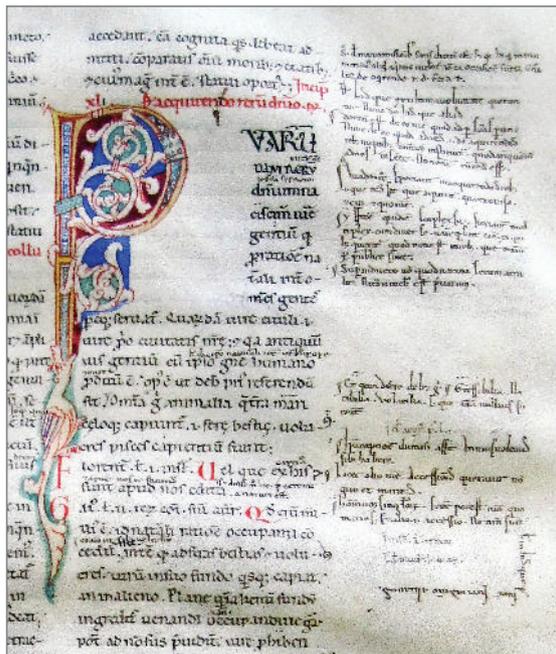
Ил. 2, а. Инициал P (D.40.2). SPbSU. Lat. 1, f. 18vb



Ил. 2, б. Инициалы N и P (D.40.6.1; 7.1). SPbSU. Lat. 1, f. 30va



Ил. 2, с. Инициал U (D.43). SPbSU. Lat. 1, f. 67va



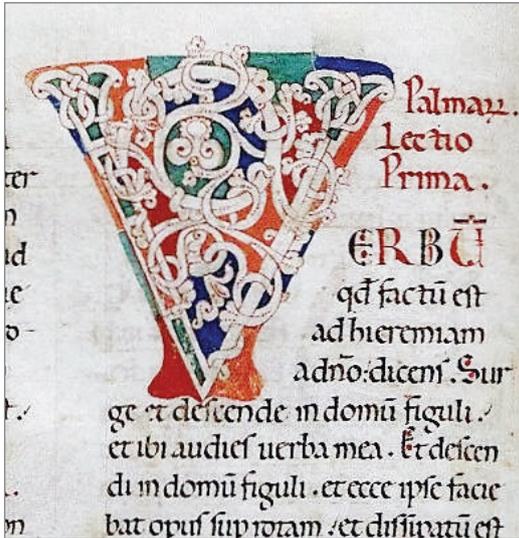
Ил. 3. Зооморфный инициал P (D.41). SPbSU. Lat. 1, f. 41rb



Ил. 4, а. Зооморфный
инициал Р (D.42.7.1-2).
SPbSU. Lat. 1, f. 65ra



Ил. 4, б. Зооморфный
инициал I (D.43.8).
SPbSU. Lat. 1, f. 70rb



Ил. 5, а. Инициал V, кон. XII в. Mantova,
Bibl. Com., Poliron. 132, f. 90vb

полноправными элементами иконографической программы конкретной рукописи, а отдельные миниатюры находились в постоянном диалоге друг с другом.

По крайней мере некоторые из каролингских иллюминированных кодексов с изображением государей-современников абсолютно правомерно рассматривать в качестве своеобразных «зерцал», которые были призваны сформировать строго определенный образ власти, предложить правителю (причем совершенно конкретному представителю династии Каролингов) убедительные примеры для подражания, уберечь от несправедливых поступков, а также создать модель взаимоотношения церковной и светской власти, священника и короля¹². Именно для этого создавались серии иллюстраций, а не единичные рисунки. К числу такого рода кодексов-«зерцал» можно отнести Библию Вивиана, Псалтырь Карла Лысого и Библию Сан Паоло фуори ле Мура. Инициаторами и кураторами их художественных программ были некоторые видные представители западнофранкского епископата, прежде всего архиепископы Реймса Эббон и Гинкмар. Показательно, что все три кодекса предназначались для Карла Лысого.

Художественные «зеркала» были явлением того же порядка, что и прочие дидактические сочинения каролингской эпохи¹³. Те и другие создавались в той же (церковной) среде и имели тех же адресатов (светских правителей). Однако форма подачи — изобразительная, а не литературная — указывала на то, что общий культурный уровень при дворе, по крайней мере Карла Лысого, был достаточно высок. Главный адресат и владелец иллюминированных кодексов, очевидно, был доста-

¹² Пожалуй, в наиболее эксплицитной форме связь между книжной иконографией и дидактической литературой в жанре «зерцал» выражена в изображении Давида в Библии Вивиана (Paris, BNF. Lat. 1. Тур, ок. 845 г.). В углах миниатюры на fol. 215v помещены четыре основные добродетели идеального правителя, представленного здесь в образе ветхозаветного царя: рассудительность (*prudencia*), справедливость (*iustitia*), мужество (*fortitudo*) и умеренность (*temperatio*). Эти важнейшие для государя качества не артикулированы в ветхозаветном тексте, зато были четко сформулированы Алкуином в одном из первых каролингских «зерцал», которое было адресовано Видону, графу Бретонскому, а затем неоднократно повторены авторами других трактатов. См.: *Alcuinus. De Virtutibus et Vitiis. Liber ad Widonem Comitem // Patrologia Latina / ed. J.-P. Migne. Paris, 1863. Vol. 101. Col. 637.*

¹³ Сравнительный обзор основных положений каролингских зеркал подробнее см.: *Ненарокова М. П. Средневековый путь к идеальному мироустройству (писатели эпохи Каролингов о государстве и власти) // Соловьевские исследования. 2015. Вып. 3 (47). С. 170–184. О проблеме дидактической литературы в жанре «зерцал» в целом см.: Anton H. H.: 1) *Fürstenspiegel und Herrscherethos in der Karolingerzeit. Bonn, 1968* ; 2) *Fürstenspiegel des frühen und hohen Mittelalters. Darmstadt, 2006.**

точно хорошо подготовлен, чтобы правильно «прочитать» помещенные в них художественные послания. В противном случае заниматься столь трудоемкой работой не имело смысла. В то же время при дворах других Каролингов, включая ближайших потомков Карла, ничего подобного не наблюдалось. Вероятно, в том числе и потому, что данный язык визуальных образов по содержанию и художественной эстетике был слишком сложен для тамошней аудитории или даже вовсе незнаком ей.

Наиболее значительное художественное «зерцало» каролингской эпохи было создано в конце 860-х или в самом начале 870-х гг. в мастерской Реймса неким монахом Ингобертом¹⁴ по инициативе архиепископа Гинкмара. Речь идет о серии полностраничных миниатюр (сохранилось 24 рисунка, 1 утрачен) в так называемой Библии Сан Паоло фуори ле Мура¹⁵. В 875 г. кодекс объемом 337 листов был подарен Карлом римскому папе Иоанну VIII по случаю имперской коронации франкского правителя, а в XI в. передан Григорием VII на хранение в базилику Сан Паоло, где и находится по сей день. В 1646 г. рукопись заново переплели, обрезав листы. В настоящее время ее размеры составляют 448 × 355 мм.

Главным, если не единственным адресатом художественной программы Библии Сан Паоло фуори ле Мура являлся непосредственно Карл Лысый. Изображение каролингского государя изначально завершало книгу, но позднее было перенесено в самое начало (fol. 1r)¹⁶. Можно думать, что такое перемещение, по мысли его инициаторов, если не изменяло, то, по крайней мере, существенно корректировало всю дидактическую конструкцию, и потому вряд ли было случайным.

¹⁴ *Durrier P.* Ingobert, un grand calligraphe du IXe siècle // *Mélanges offerts à M. Emile Chatelain.* Paris, 1910. P. 1–12.

¹⁵ Все полностраничные миниатюры Библии Сан Паоло фуори ле Мура с кратким изложением каждого сюжета опубликованы в: *La Bibbia carolingia dell'Abbazia di San Paolo fuori le Mura* / ed. M. Cardinali. Città del Vaticano : Edizioni Abbazia San Paolo, 2009. О кодексе подробнее см.: *Jemolo V., Morelli M.* La Bibbia di S. Paolo fuori le Mura. Roma, 1981.

¹⁶ Об образе Карла Лысого на миниатюре в Библии Сан Паоло фуори ле Мура см.: *Kantorowicz E. H.* The Carolingian king in the Bible of San Paolo fuori le mura // *Late Classical and Medieval Studies in Honor of Albert Mathias Friend Jr.* Princeton, 1955. P. 287–300. См. также: *Poilpré A.-O.* *Maiestas Domini ...* P. 265. Исследователь полагает, что данное изображение как будто изолировано от всей остальной иконографии рукописи и не в полной мере включено в общую иконографическую программу, хотя и находит параллели в портретах некоторых других правителей, восседающих на троне. Изображение Карла действительно выполнено в совершенно иной художественной манере, нежели все остальные миниатюры. Однако это вовсе не означает какую бы то ни было смысловую ее обособленность.

К сожалению, нельзя точно сказать, когда именно это случилось, но вряд ли такое сделали при папском дворе или в стенах римской обители — к тому не было никаких оснований. Скорее всего, это произошло довольно рано, еще до передачи рукописи папе, а в переносе миниатюры отразилось известное противостояние между королем и частью западнофранкского епископата, руководимого Гинкмаром Реймским¹⁷.

Карлу Лысому, идеальному правителю, восседающему на троне «в апофеозе» (*in majestate*)¹⁸, предпослана череда примеров хороших и, что гораздо существенней, плохих государей из числа ветхозаветных царей. Дурные правители фигурировали в книжной иконографической программе с участием действующего короля из рода Каролингов, кажется, в первый и в последний раз. В качестве примеров для подражания архиепископ Реймса ожидаемо выбрал Давида (fol. 93v)¹⁹, но также и Соломона (fol. 188v). Оба представлены в образе справедливых судей, которые выносят решение, основываясь на законе и собственной мудрости. Первый фигурирует в сцене казни юноши-амаликитянина, принесшего новому царю корону Саула (2-я Цар. 1: 1–13). Второй — в сцене с младенцем, права материнства в отношении которого заявляли сразу две женщины (3-я Цар. 3: 16–28). Иногда закон требует применения насилия, но государи от него нарочито дистанцированы. Символ последнего — меч — непременно присутствует в сцене как одна из важнейших королевских инсигний²⁰, но руки библейских царей демон-

¹⁷ Аналогичным образом в так называемой Библии Вивиана изображение Карла Лысого поместили в самый конец кодекса (fol. 423r). Подобная диспозиция была характерна только для иллюминированных кодексов, предназначенных для Карла Лысого. В кодексах, изготовленных для императора Лотаря, изображение каролингского государя, напротив, предшествует всем остальным, включая Христа. Такова иконография Четвероевангелия Лотаря (Paris, BNF. Lat. 266, fol. 1v) и Псалтыри Лотаря (London, British Museum. Add. 37768, fol. 4r). Отметим, что при дворе Лотаря епископат никогда не пользовался столь же заметным влиянием, как при дворе Карла. Думается, что иконография иллюминированных рукописей, предназначенных для разных государей, довольно точно отражает эти процессы.

¹⁸ О художественных элементах изображения каролингского государя в образе «сакрального апофеоза» подробнее см.: *Alibert D. Images de la majesté sacrée ...*

¹⁹ В качестве основного образца для подражания современного государя в каролингской культуре Давид неизменно фигурирует по крайней мере с конца VIII в. Ср.: *Garipzanov I. H. The Symbolic Language of Authority ...* P. 226–227. В художественном плане наиболее ярким воплощением этого представления можно считать изображения Давида (fol. 215v) и Карла Лысого (fol. 423r) в Библии Вивиана, между которыми прослеживается явное портретное сходство.

²⁰ О важности меча в ряду прочих королевских инсигний подробнее см.: *Le Jan R. Frankish Giving of Arms and Rituals of Power: Continuity and Change in the*

стративно его не касаются. Карл Лысый аналогичным образом отводит свою правую руку от меча.

Художественный мотив отдаления правителя от его собственно-го меча, по всей видимости, был придуман и тщательно разработан в мастерской Реймса при Эббоне в 830-е гг.²¹ В теоретическом отношении он близок идеям, сформулированным в трудах Смарагда Сен-Мишельского, Эрмольда Нигелла, Ионы Орлеанского, Седулия Скота и Лупа Ферьерского. Каролингские эрудиты настойчиво проводили мысль о том, что власть короля есть служение (*ministerium*), которое король осуществляет не насилием, но смирением, что социальный порядок король поддерживает собственными добродетелями, тем, что совершает нравственные поступки под руководством епископов. Побудительным толчком к появлению упомянутого художественного мотива стала детронизация Людовика Благочестивого и церковный суд над императором франков в 833–834 гг., организованный как раз Эббоном. Помимо Реймса этот сюжет появляется лишь в мастерской Тура — на миниатюрах в Библии Вивiana (ок. 845) и в Четвероевангелии Лотаря (849–851). Напротив, в Псалтыри Лотаря, созданной при дворе последнего, мы видим императора не только препоясанным мечом, но и крепко сжимающим его рукоять²².

Давид в Библии Сан Паоло фуори ле Мура явлен зрителю и в другом образе, а именно танцующим перед Господом и рабами его (fol. 170v). Это изображение восходит к беседе библейского правителя с Мелхолой, дочерью Саула, и символизирует собой высшее смирение царя перед Богом. Танцующий Давид возникает в каролингском книжном искусстве не ранее 840-х гг., однако сразу предстает в очень радикальном виде. В Библии Вивiana (Тур, ок. 845) царь не просто танцует, но *обнажается*²³. Другого такого изображения не отыскать на всем

Carolingian Period // Rituals of Power. From Late Antiquity to the Early Middle Ages. Leiden, 2000. P. 281–309.

²¹ Подробнее об этом сюжете см.: *Сидоров А. И.* Казус Людовика, или О чем рассказывает каролингская книжная миниатюра // *Universitas historiae* : Сборник статей в честь П. Ю. Уварова. М. : ИВИ РАН, 2016. С. 451–460.

²² London, British Museum. Add. 37768, fol. 4r.

²³ Paris, BNF. Lat. 1, fol. 215v. Изображение Давида, обнажающегося в процессе исполнения псалмов, определенно восходит к соответствующему стиху из Второй книги Царств: «Когда Давид возвратился, чтобы благословить дом свой, то Мелхола, дочь Саула, вышла к нему навстречу, [и приветствовала его] и сказала: как отличился сегодня царь Израилев, *обнажившись* (курсив мой. — А. С.) сегодня пред глазами рабынь рабов своих, как обнажается какой-нибудь пустой человек! И сказал Давид Мелхоло: пред Господом [плясать буду. И благословен Господь], Который предпочел меня отцу твоему и всему дому его, утвердив меня вождем народа Господня, Из-

каролингском пространстве. До середины 870-х гг. танцующий Давид встречается еще по крайней мере в двух рукописях, предназначенных для Карла Лысого, — в упомянутой уже Библии Сан Паоло фуори ле Мура и в Псалтыри Карла Лысого (придворная школа, 842–869 гг.)²⁴. В иллюминированных рукописях, возникших в других центрах и предназначенных для других государей, Давид, хотя изображается с арфой, не танцует²⁵.

Отметим, однако, что в сюжетной линии, связанной с Давидом в Библии Сан Паоло фуори ле Мура, отсутствует мотив покаяния царя перед священником. Между тем изображения в более ранних рукописях указывают на то, что о нем совершенно точно знали и в Реймсе и при дворе Карла Лысого²⁶. Думается, что в столь характерной фигуре умолчания проявилось усиление власти короля по отношению к епископату к концу правления Карла. Как уже было отмечено выше, в том же контексте следует рассматривать и перенос изображения каролингского правителя в начало кодекса.

раиля; пред Господом играть и плясать буду; и я еще больше унижусь, и сделаюсь еще ничтожнее в глазах моих, и пред служанками, о которых ты говоришь, я буду славен» (2-я Цар. 6: 20–22).

²⁴ Paris, BNF. Lat. 1152, fol. 1v.

²⁵ Например, в Псалтыри из Мондзее (Montpellier, Bibliothèque Universitaire, Ms. 409, между 783 и 792 г.) Давид изображен статично стоящим с арфой в руках (fol. 1v). Он символизирует собой предтечу Христа, который изображен в аналогичной позе на fol. 2v, но вместо арфы держит Книгу. В Псалтыри Лотаря, созданной в придворной школе между 840 и 855 г., Давид восседает на троне с арфой в руках (London, British Museum. Add. 37768, fol. 5r). А в Золотой псалтыри из Санкт-Галлена (St. Gallen, Stiftsbibliothek, Codex 22, между 883 и 900 г.) Давид представлен сразу в двух разных образах: восседающим на троне с королевским жезлом в правой руке (Р. 39) и сидящим на алтаре с арфой (Р. 66). Совершенно очевидно, что в иконографии этих кодексов идея смирения правителя не сформулирована.

²⁶ Уже в Утрехтской псалтыри в рисунке к 50-му псалму встречается изображение Давида, кающегося перед Натаном. Царя сопровождает Вирсавия, при этом оба как бы попирают ногами тело Урия, смерть которого и явилась причиной для покаяния (Utrecht, Bibliotheek der Rijksuniversiteit, Cat. Cod. Ms. Bibl. Rhenotraiectinae 1, nr. 32, fol. 29r). Совершенно аналогичная сцена, по сути, буквальная цитата утрехтской миниатюры, представлена на костяной дощечке четвертой (последней) обложки Псалтыри Карла Лысого (Paris, BNF. Lat. 1152). Однако здесь сюжет доработан. Царь изображен под стрельчатой аркой, а Натан — под полукруглым сводом на колоннах. Священник стоит, раскинув руки, и преграждает Давиду путь в какое-то здание, вход в которое закрыт занавеской. Думаю, не ошибусь, если предположу, что это церковь. Смысл изображения, таким образом, сводится к следующему: царь, даже помазанный Богом, не может войти в церковь без покаяния. И костяная дощечка Псалтыри постоянно напоминала об этом Карлу.

Создатели художественной программы Библии Сан Паоло фуори ле Мура не ограничились только примерами положительных правителей, но напомнили королю о дурных царях, получивших жестокое воздаяние за свои прегрешения. Кажется, в каролингском книжном искусстве ничего подобного больше не было. В качестве антиподов Карлу предложены Саул (fol. 83v) и Олоферн (fol. 234v). Оба совершили несправедливые поступки, пользуясь властью, и оба гибнут от собственного меча. Судьбы Саула и Олоферна представляют собой последовательный рассказ, помещенный в нескольких регистрах. Обе миниатюры уникальны по концепции. История Саула заканчивается сценой его самоубийства (1-я Цар. 31: 4). А история с Олоферном поучительна тем, что, по мнению художника, несправедливый правитель может утратить свой меч, не только совершив греховный поступок, но даже просто помыслив греховное. В среднем регистре миниатюры за спиной Олоферна, изображенного в образе государя, королевский меченосец — единственный раз в каролингском искусстве — держит пустые ножны. А в нижнем регистре мы видим Юдифь, отрезающую голову Олоферну тем самым мечом, которого у ассирийского полководца *уже нет* в момент первой встречи обоих персонажей.

Однако художественная программа Библии Сан Паоло фуори ле Мура не сводится лишь к историям о хороших и дурных правителях, но включает в себя и другие важные сюжеты — те, что раскрывают характер взаимоотношений государя и священника. Таковые представлены в сцене беседы Моисея и Аарона с фараоном (fol. 21v), когда Моисей явил своему оппоненту силу Господа, превратив посох в змею (Исх. 7: 8–13), а также в сцене обретения Моисеем скрижалей Завета (Исх. 34: 1–4) и вручения их народу Израиля в присутствии Осии (fol. 31v). В обоих случаях священник оказывается фигурой более важной и значительной, нежели правитель, даже прошедший обряд помазания (Осия), не говоря уже о язычнике (фараон). Таким образом, западнофранкский епископат очень аккуратно, но настойчиво и вполне недвусмысленно отстаивал свои претензии на лидерство²⁷.

²⁷ Сцена беседы Моисея с фараоном встречается только в иконографии Библии Сан Паоло фуори ле Мура. Напротив, сцена обретения скрижалей, совершенно аналогичная в сюжетном плане, фигурирует в двух турецких рукописях начала 840-х гг.: в Библии Мутье-Гранваль (London, British Museum. Add. 10546, fol. 25v) и в Библии Вивиана (fol. 27v). Комментируя последнюю, Доминик Алибер предлагает, хотя, может быть, несколько прямолинейно, видеть в Осии Карла Лысого, в Моисее — Церковь, а в народе Израиля — франкских магнатов, претендующих наряду с королем на роль главной опоры Церкви после договора в Кулене. См.: *Alibert D. Moïse, David et autres Theodose. Le prince, Dieu et la Loi dans l'iconographie politique carolingienne // Le prince et la norme. Ce que legiférer veut dire. Limoges, 2007. P. 52–53.*

Наконец, изначально заходная миниатюра (fol. 3v) посвящена деятельности св. Иеронима по подготовке перевода Священного Писания. По своему содержанию она, подобно портрету каролингского государя, находится полностью вне рамок библейского текста, но принципиально важна для художественной программы всего кодекса. В изображении получила наглядное выражение идея о ключевой роли священника в правильной интерпретации текста, которым должен руководствоваться в своем правлении праведный государь из рода Каролингов.

В Библии Сан Паоло фуори ле Мура вновь проводится та же идея, что была сформулирована совершенно аналогичным образом в Библии Вивиана двадцатью пятью годами ранее²⁸. О важности данного мотива для западнофранкского епископата говорит и другой, еще более убедительный пример, который мы находим в Псалтыри Карла Лысого. На развороте fol. 3v–4r помещена парная миниатюра. На ней во всей полноте своего королевского величия изображен Карл Лысый, подобострастно взирающий на св. Иеронима, который в этот момент полностью поглощен переводом псалмов. Каждое изображение сопровождается соответствующей надписью, являя зрителю Карла подобным Осии и равным Феодосию (*Cum sedeat Karolus magno coronatus honore / Est Josiae similis parque Theodosio*), а Иеронима — переводчиком, интерпретирующим «законы Давида» (*Nobilis interpres Hieronimus atque sacerdos / Nobiliter pollens transscripsit iura Davidis*).

И последнее. Дидактическая иконография Библии Сан Паоло фуори ле Мура, адресованная королю, встроена в широкий эсхатологический контекст. Сценами грехопадения (fol. 7v) и Апокалипсиса (fol. 331v) она напоминает зрителю о начале и конце земной истории человечества²⁹. Такая конструкция позволяет лучше понять конечную цель и основную задачу художественного «зеркала» — через примеры правильных и дурных правителей воспитать совершенного короля, который, в силу собственных добродетелей и благодаря опоре на верное понимание священного текста и помощь Церкви, способен подготовить вверенное ему общество к наступлению конца света.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена анализу иконографии Библии Сан Паоло фуори ле Мура, одного из лучших каролингских иллюминированных кодексов. Рукопись была адресована Карлу Лысому, а ее иконография представляет собой оригинальный

²⁸ Иконография Библии Вивиана также начинается с истории Иеронима (fol. 3v).

²⁹ Аналогичная иконографическая модель фигурирует и в Библии Вивиана (fol. 10v и fol. 415v).

дидактический трактат (зерцало) в художественной форме. Серия визуальных образов была призвана сформировать строго определенный образ власти, предложить правителю убедительные примеры для подражания, уберечь от несправедливых поступков, а также создать модель взаимоотношения церковной и светской власти, священника и короля.

SUMMARY

The paper analyzes the iconography of the Bible of San Paolo fuori le Mura, one of the best Carolingian illuminated codes. The manuscript was addressed to Charles the Bald, and its iconography is an original didactic treatise (mirror) in the art form. A series of visual images was designed to form a well-defined image of authority, to offer the ruler compelling role model, to prevent unrighteous acts, and especially to create a model of the relationship between the Church and secular authorities, priest and king.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Каролинги, каролингское возрождение, книжная миниатюра, средневековые рукописи, средневековые «зеркала».

KEYWORDS

Carolingians, Carolingian Renaissance, book miniatures, medieval manuscripts, medieval «mirrors».

БИБЛИОГРАФИЯ

REFERENCES

Ненарокова М. Р. Средневековый путь к идеальному мироустройству (писатели эпохи Каролингов о государстве и власти) // Соловьевские исследования. 2015. Вып. 3 (47). С. 170–184 (*Nenarokova M. R. Srednevekovyj put' k ideal'nomu miroustrojstvu (pisateli epokhi Karolingov o gosudarstve i vlasti) // Solov'evskie issledovaniya. 2015. Vol. 3 (37). S. 170–184.*

Сидоров А. И. Казус Людовика, или О чем рассказывает каролингская книжная миниатюра // Universitas historiae : Сборник статей в честь П. Ю. Уварова. М., 2016. С. 451–460 (*Sidorov A. I. Kazus Lyudovika, ili O chem rasskazyvaet karolingskaya knizhnaya miniatura // Universitas historiae : Sbornik statej v chest' P. U. Uvarova. Moskva, 2016. S. 451–460.*

Alcuinus. De Virtutibus et Vitiis. Liber ad Widonem Comitem // Patrologia Latina / ed. J.-P. Migne. Paris, 1863. Vol. 101.

Alibert D. Images de la majesté sacrée: la mutation de l'An mille a-t-elle eu lieu? // Auctoritas : Mélanges offerts à Olivier Guillot. Paris, 2006. P. 423–436.

Alibert D. Moÿse, David et autres Theodose. Le prince, Dieu et la Loi dans l'iconographie politique carolingienne // *Le prince et la norme. Ce que legiferer veut dire*. Limoges, 2007.

Anton H. H. Fürstenspiegel des frühen und hohen Mittelalters. Darmstadt, 2006.

Anton H. H. Fürstenspiegel und Herrscherethos in der Karolingerzeit. Bonn, 1968.

Augustini Hipponensis episcopi. Enarrationes in Psalmos // *Patrologia Latina* / ed. J.-P. Migne. Paris, 1865. Vol. 36.

La Bibbia carolingia dell'Abbazia di San Paolo fuori le Mura / ed. M. Cardinali. Città del Vaticano : Edizioni Abbazia San Paolo, 2009.

Bierbrauer K. Utrecht-Psalter // *Lexikon des Mittelalters*. 1997. Bd. 8. S. 1355–1356.

Caillet J.-P. L'art carolingien. Paris, 2005.

Chazelle C. Archbishops Ebo and Hincmar of Reims and the Utrecht Psalter // *Speculum*. 1997. Vol. 72 (4). P. 1055–1077.

DeWald E. T. The illustrations of the Utrecht Psalter. Princeton; London; Leipzig, 1932.

Dufrenne S. Les illustrations du Psautier d'Utrecht. Sources et apport carolingien. Paris, 1978.

Durrier P. Ingobert, un grand calligraphe du IXe siècle // *Mélanges offerts à M. Emile Chatelain*. Paris, 1910. P. 1–12.

Garipzanov I. H. The Symbolic Language of Authority in the Carolingian World (c. 751–877). Leiden ; Boston, 2008.

Jemolo V., Morelli M. La Bibbia di S. Paolo fuori le Mura. Roma, 1981.

Kantorowicz E. H. The Carolingian king in the Bible of San Paolo fuori le mura // *Late Classical and Medieval Studies in Honor of Albert Mathias Friend Jr.* Princeton, 1955. P. 287–300.

Koehler W. Die karolingische Miniaturen. Bd. 2 : Die Hofschule Karls des Grossen. Berlin, 1958.

Koehler W. Die karolingische Miniaturen. Bd. 3 : Die Gruppe des Wiener Krönungs-Evangeliars; Metzger Handschriften. Berlin, 1960.

Le Jan R. Frankish Giving of Arms and Rituals of Power: Continuity and Change in the Carolingian Period // *Rituals of Power. From Late Antiquity to the Early Middle Ages*. Leiden, 2000. P. 281–309.

Poilpré A.-O. Maiestas Domini: une image de l'Eglise en Occident, Ve–IXe siècle. Paris, 2005.

Schramm E. P. Das Herrscherbild in der Kunst des frühen Mittelalters // *Vorträge der Bibliothek Warburg. 1922–1923. Teil I*. Wiesbaden, 1924.

Trésors carolingiens. Livres manuscrits de Charlemagne à Charles le Chauve. Paris, 2007.

Wormald F. The Utrecht Psalter. Utrecht, 1953.